

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)**

на тему «Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния»

Обучающийся

Е.С. Черный

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Цивилизованные государства издавна признают право защищать себя и близких от преступных посягательств, устанавливая определенные рамки: такая защита не должна превращаться в расправу, самосуд, акт возмездия, реализации своих отрицательных амбиций. Конституция РФ признаёт за каждым право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, выступающее в качестве естественного субъективного права каждого, меры противодействия преступности и реализации гражданской позиции. Конкретизация права на необходимую оборону осуществляется УК РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.

Объект исследования формируют общественные отношения, возникающие при реализации права на необходимую оборону. Предмет исследования составили нормативно-правовые, научно-юридические материалы, законопроекты, а также решения судов общей юрисдикции, касающиеся раскрытия отдельных аспектов института необходимой обороны.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа современного института необходимой обороны.

Проблематика исследования. Благодаря проведённому исследованию установлены три направления совершенствования института необходимой обороны:

Во-первых, требуется нормативная детализация соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему. Решение вопроса о соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему находится в области судебного усмотрения

Во-вторых, обоснована потребность в придании юридической силы Законопроекту от 12.05.2022 г. № 122117-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым вводится принцип «мой дом – моя крепость».

В-третьих, предложено выдвинуть на рассмотрение Пленума Верховного Суда РФ дополнение в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19, устанавливающее виды посягательств и соразмерные им меры воздействия (например, для отражения покушения на убийство допустить летальные меры обороны).

В ходе исследования использовались следующие методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, обобщение, метод контент-анализа публикаций по проблематике исследования, а также специальные частноправовые методы: формально-юридический метод, методы историко-правового и сравнительно-юридического анализа.

Структура исследования: введение, три главы, семь параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Правовая природа института необходимой обороны.....	8
1.1 Понятие, значение и особенности института необходимой обороны	8
1.2 История становления института необходимой обороны.....	16
Глава 2 Состав необходимой обороны	22
2.1 Объективные признаки необходимой обороны.....	22
2.2 Субъективные признаки необходимой обороны.....	25
Глава 3 Проблемные аспекты практического применения института необходимой обороны	32
3.1 Условия правомерности необходимой обороны	32
3.2 Проблемы превышения пределов необходимой обороны	42
3.3 Предложения по совершенствованию института необходимой обороны.....	50
Заключение	61
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

Актуальность исследования. Цивилизованные государства издавна признают право защищать себя и близких от преступных посягательств, устанавливая определенные рамки: такая защита не должна превращаться в расправу, самосуд, акт возмездия, реализации своих отрицательных амбиций.

Институт необходимой обороны насчитывает многовековую историю своего существования. Его современная интерпретация характеризуется изъянами в правоприменительной и нормативной областях. Этим и обуславливается позиция, согласно которой институт необходимой обороны в Российской Федерации далёк до совершенства. Однако, незыблема точка зрения, по которой институт необходимой обороны, будучи реализацией права индивида на защиту своих законных прав и интересов, направлен на формирование надлежащих условий для реального воплощения гражданами конституционного права на защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности.

Конституция РФ признаёт за каждым право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, выступающее в качестве естественного субъективного права каждого, меры противодействия преступности и реализации гражданской позиции. Конкретизация права на необходимую оборону осуществляется УК РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. Определение в законе понятия, оснований и пределов легитимности необходимой обороны реализует поощрительную функцию уголовного закона, мотивирующую граждан к активному противодействию общественно опасным посягательствам, укрепляет общественную нетерпимость к социально вредным явлениям.

Объект исследования формируют общественные отношения, возникающие при реализации права на необходимую оборону.

Предмет исследования составили нормативно-правовые, научно-юридические материалы, законопроекты, а также решения судов общей

юрисдикции, касающиеся раскрытия отдельных аспектов института необходимой обороны.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа современного института необходимой обороны.

Задачи исследования:

- определить юридическую природу института необходимой обороны;
- выявить признаки, формирующие состав необходимой обороны;
- раскрыть условия, характеризующие правомерность действий, составляющих необходимую оборону;
- установить проблемы, связанные с превышением пределов необходимой обороны;
- разработать и предложить меры по совершенствованию института необходимой обороны.

Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частноправовые методы научного познания. В ходе исследования использовались следующие методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, обобщение, метод контент-анализа публикаций по проблематике исследования, а также специальные частноправовые методы: формально-юридический метод, методы историко-правового и сравнительно-юридического анализа.

Степень научной разработанности исследования. Отдельные аспекты института необходимой обороны изучались в работах следующих авторов: А.В. Ананьин, В.И. Акимочкин, Е.А. Баранова, С.В. Балмочных, В.В. Васеева, О.С. Григорьева, М.Д. Гарикова, Н.С. Гамаюнов, Д.А. Даровских, А.А. Зимин, Л.В. Иногамовой-Хегай, О.С. Казакова, Е.С. Кузько, М.Ю. Карасёва, В.В. Клиновенко, А.Г. Кибальник, А.А. Карпов, А.Н. Лукьянченко, С.И. Миронов, О.В. Матюнин, В.В. Меркурьев, А.В. Неврев, А.В. Никуленко, Д.С. Птащенко, Н.Н. Паше-Озерский, Е.А. Пронькина, Э.О. Побегайло, А.Д. Прошляков, И.Р. Рамазанов, А.В. Разилова, М.Л. Смирнов, П.И. Стасюк, О.С.

Степанюк, Н.Е. Степаненко, А.И. Ситникова, А.М. Смирнов, О.Э. Сушков, Э. Холл, С.З. Шамарин, С.А. Шахов и другие.

Тема выпускной квалификационной работы являлась объектом монографических исследований следующих авторов: Е.А. Баранова «Необходимая оборона» (2007 г.), Н.С. Намаюнов и А.Д. Прошляков «Уголовно-процессуальные аспекты института необходимой обороны» (2014 г.), А.В. Неврев «Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения» (2003 г.), Н.Н. Паше-Озерский «Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву» (1962 г.). Отдельные аспекты института необходимой обороны изучались в монографических работах Т.Е. Новицкой, Л.В. Иногамовой-Хегай и Э. Холл.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, законопроекты.

В эмпирическую базу исследования входят акты-разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», от 31.05.2022 № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», судебные акты судов общей юрисдикции.

Структура исследования: введение, три главы, семь параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Правовая природа института необходимой обороны

1.1 Понятие, значение и особенности института необходимой обороны

«... ударить человека – это злодеяние, если намерением ударившего было оскорбить, причинить боль жертве или получить удовольствие самому. Однако, если удар был нанесён в порядке самозащиты, винить ударившего не за что» [72, с. 87].

Цивилизованные государства издавна признают право защищать себя и близких от преступных посягательств, устанавливая определенные рамки: такая защита не должна превращаться в расправу, самосуд, акт возмездия, реализации своих отрицательных амбиций.

«Государство на современном этапе своего развития основывается на комплексе политических и экономических отношений, стабильность которых – есть залог эффективного функционирования. В контексте данных общественных отношений происходит реализация правового статуса человека и гражданина. По этой причине государство, в лице соответствующих органов, применяя правовые средства, признаёт необходимую оборону, осуществляемую гражданами, социально полезной, накладывая, при этом, на подобные действия ряд ограничивающих условий, несоблюдение которых ставило бы важнейшие общественные отношения, на которых базируется государство, под угрозу» [5, с. 31], – справедливо утверждается в научных работах, посвященных исследуемому уголовно-правовому институту.

Право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств является естественным субъективным правом каждого, констатируемое законом в качестве одной из мер противодействия преступности. Конституцией РФ гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, закрепляется за каждым право защищать

свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ) [22].

Институт необходимой обороны известен российской уголовной политики достаточно давно. Однако по сей день наблюдается диспропорция научных взглядов относительно его близости к совершенству. Но, постоянством обладает позиция В.Л. Зуевой, С.В. Пархоменко и других авторов, о том, что право на самооборону принадлежит каждому, и оно также естественно, как и право на жизнь. «Институт необходимой обороны, являясь реализацией права индивида на защиту своих законных прав и интересов, способствует созданию должных условий для реального воплощения гражданами конституционного права на защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности» [54, с. 72].

Конкретизация права на необходимую оборону осуществляется кодифицированным уголовным законом России – УК РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. Определение в законе понятия, оснований и пределов легитимности необходимой обороны реализует поощрительную функцию уголовного закона, мотивирующую граждан к активному противодействию общественно опасным посягательствам, укрепляет общественную нетерпимость к социально вредным явлениям.

Официальное толкование необходимой обороны, закрепленное в ст. 37 УК РФ, позволяет резюмировать следующее:

Во-первых, данная норма обладает дуалистическим способом трактования – бланкетный характер отсылает на позиции Верховного Суда РФ, а описательный раскрывает словосочетание «в состоянии необходимой обороны».

Во-вторых, с целью раскрытия отдельных положений необходимой обороны применяется комплекс абстрактных понятий – неожиданность, пределы необходимой обороны, общественно опасное посягательство. Более того, особую спорность вызывают положения высшей судебной инстанции относительно общественно опасного посягательства, сопряженного с

насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица. В частности, о наличии такого посягательства могут свидетельствовать:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов). Спорность изложенного заключается в наличии возможности обороняющегося лица оказать сопротивление нападающему – после получения ранения в жизненно важный орган обороняющийся вряд ли сможет защитить себя. Наглядным примером послужит материалы Приговора Чулымского районного суда Новосибирской области от 21 декабря 2021 г. по делу № 1-192/2021, по которому П.Н.В. совершила убийство ФИО1 на почве внезапно возникших неприязненных отношений. П.Н.В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, предвидя неизбежность наступления смерти ФИО1 и желая этого, нанесла ножом один удар в переднюю поверхность грудной клетки ФИО, где располагаются жизненно-важные органы человека. В результате совершённых действий, ФИО1 были причинены телесные повреждения в виде: колото-резанной раны в передней поверхности грудной клетки в проекции тела грудины по срединной линии на уровне 4-го ребра; повреждения тела грудины; повреждения сердечной сорочки; повреждения правого желудочка. Смерть ФИО1 наступила на месте происшествия [48]. При изложенных обстоятельствах ФИО1 не имел возможности воспрепятствовать незаконным действиям П.Н.В., т.к. получил несовместимые с жизнью повреждения грудной клетки;
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.). Сомнительность данного подхода так же налицо: при вооруженном нападении

обороняющийся вряд ли сможет отразить нападение либо соблюсти установленные пределы необходимой обороны. Как правило, от возникшей угрозы или полученных травм обороняющееся лицо не может воспротивиться действиям нападающего. К примеру, в период с 13 часов 30 минут до 17 часов 00 минут ДД.ММ.ГГГГ, Б.Э.Н., находясь в жилом помещении ФИО1 в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, действуя из личной неприязни к потерпевшей, подверг её избиению (нанёс множественные удары руками, полимерной палкой). Б.Э.Н., находясь в том же месте с 18 часов до 30 минут до 20 часов 00 минут, приискал в квартире газовый баллончик и при помощи зажигалки воспламенил выпущенную из этого баллончика струю аэрозоля, поджёг домашней обстановки и домашнего обихода, а также одежду, в результате чего произошло возгорание указанных предметов, а также элементов отделки квартиры и распространение в квартире продукта горения (угарного газа). Вследствие перечисленных действий ФИО1 от острого отравления угарным газом и полученных телесных повреждений скончалась на месте происшествия [49]. В приведённой ситуации у потерпевшего ни было шанса предпринять оборонительные действия, т.к. ему противостоял более физически сильный противник, использовавший предметы в качестве оружия, а также поджог, повлекший отравление угарным газом.

Для справедливости отметим, что использование понятия «общественно опасное посягательство» с точки зрения буквального толкования в рамках ст. 37 УК РФ в полной мере соответствует институту необходимой обороны, т.к. данным понятием охватываются не только преступное посягательство на лицо, реализующее своё естественное право на самозащиту, но и деяние, исходящее от лица, не могущего быть субъектом уголовно-правовых отношений (например, малолетний, душевнобольной). В

этом контексте представляется верной позиция Е.А. Барановой, утверждающей, что ограничение права на самозащиту возрастом или психическим состоянием посягающего непременно приведёт к практической невозможности реализации гражданами права на самозащиту [58, с. 249]. Более того, обороняющееся лицо, как правило, пребывает не в том положении, чтобы определить возраст и степень вменяемости нападающего лица и не должно этим заниматься [59, с. 9].

В-третьих, право на необходимую оборону в равной степени распространяется на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти [63].

Законодательный подход к определению понятия «необходимая оборона» через призму восприятия О.С. Казаковой позволяет под ним трактовать «защиту личности и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [17, с. 84].

«Правомерная защита интересов личности, общества и государства от общественно опасного посягательства путём причинения вреда посягающему, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Однако существенным недостатком данной формулировки является не указание законодателем этих пределов», - считает В.В. Клиновенко [21, с. 296].

Использование в вышеназванном подходе понятия «правомерная защита» наиболее удачно отражает посыл законодателя: в научном сообществе, критикуясь оборот, используемый в разделе II. «Преступление», гл. 8 «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния», ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», предлагается заменить его термином «необходимая

защита», обосновывая такое решение тем, что «оборона» в большей степени применимо к военному ремеслу и трактуется как «совершение боевых действий, направленных на пресечение действий нападающего противника» [61, с. 79].

Сказанное имеет смысл, однако, использование терминологического оборота, предусмотренного в ст. 37 УК РФ, во многом обуславливается историческим опытом России: он возник в качестве достаточно устойчивого как в научной среде, так и в нормах позитивного права, и сомнительно, что использование более удачного по смыслу термина позволит по-иному оценивать ценность такого уголовно-правового института. Руководствуясь особенностями и характером необходимой обороны, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, содержания гл. 8 УК РФ и, в частности, ст. 37 УК РФ, понятие необходимой обороны необходимо трактовать следующим образом: правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, путём причинения вреда посягающему лицу, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Анализ законодательного, делегированного и доктринального подходов определения понятия и особенностей «необходимая оборона» на современном этапе развития позволяют выявить следующие признаки, характеризующие данный уголовно-правовой институт:

- наличие общественно опасного посягательства. Пленум Верховного Суда РФ к числу таких посягательств причисляет, например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, ранение жизненно важных органов, применение в отношении обороняющегося лица оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п. [30];

- временной промежуток, в течение которого допускается необходимая оборона. Право на правомерную самозащиту возникает в момент начала общественно опасного посягательства и оканчивается (перестает быть таковым) по окончанию посягательства. Общественно опасное посягательство считается наличным, если его угроза осуществления являлась очевидной для обороняющегося лица. Об этом может свидетельствовать предпреступное поведение нападающего лица (например, угроза физической расправы словами, жестами, демонстрацией оружия и иными способами, вызывающими страх у потерпевшего). Так, например, делая вывод о квалификации действий Л., как умышленное убийство, суд первой инстанции не учёл, что последний находился в состоянии необходимой обороны от реального посягательства со стороны Ш., который принес металлический ключ к нему в дом, что свидетельствует о реальном намерении применить его. Кроме того, суд не учёл агрессивного поведения Ш., а также его угроз в адрес осужденного, у которого имелись основания для восприятия действий Ш., как создающих реальную угрозу для его жизни и принятия мер по своей защите. Л. осознавал реальную опасность посягательства со стороны Ш., наличие непосредственной угрозы применения насилия опасного для его жизни, с учетом действий и угроз Ш., о том, что он убьет его, с учетом имевшего место накануне конфликта, связанного с предыдущей ссорой. На основании названных данных, действия Л. переквалифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ [50]. В том случае, когда общественно опасное посягательство закончилось, а угроза опасности сведена к нулю, то не допускаются действия, направленные на оборону [16, с. 146];
- вред причиняется только лицу, совершающему нападение. При необходимой обороне допускается причинение вреда только лицу,

совершающему нападению или высказывающему угрозы о таковом. Правомерность самозащиты исключается, если в ходе обороны причиняется вред третьему лицу в силу ошибки в посягающем или при отклонении действия. Однако, вред нападающему лицу может возникнуть в ходе его действий, например, в случае, когда он совершил движение, направленное на столкновение человека со ступенек, а последний уклонился от воздействия, в связи с чем нападающий по инерции упал и разбился, то такой случай подлежит квалификации в качестве несчастного и не может восприниматься в качестве проявления необходимой обороны;

- защита должна носить соразмерный характер. Согласно по общему правилу, действия обороняющегося лица должны соответствовать характеру и степени общественно опасного посягательства. В случае душевного волнения обороняющегося лица (например, в случае нападения путём проникновения в жилое помещение), вызванного посягательством, оно не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты. Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено, что действия обороняющегося лица нельзя воспринимать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства.

На основании вышеизложенного, констатируем следующее: необходимая оборона подразумевает защиту личности и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества

или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Использование применительно к ст. 37 УК РФ понятия «общественно опасное посягательство» с позиции буквального толкования является удачной и в полной мере соответствует логике института необходимой обороны, поскольку тем самым охватываются не только преступные деяния, но и деяния, исходящие от лица, не могущего быть субъектом уголовно-правовых отношений (например, малолетних, душевнобольных). Признаками института необходимой обороны выступают: наличие общественно опасного посягательства; временной промежуток, в течение которого допускается необходимая оборона; вред причиняется только лицу, совершающему нападение; защита должна носить соразмерный характер.

1.2 История становления института необходимой обороны

Институт необходимой обороны известен юридической науке издавна. Позитивное закрепление как самозащиты, так и защиты родных и близких, а также и имущества, датируется моментом формирования цивилизованного общества. «В те далёкие времена, до возникновения государства в современном понимании, право на самозащиту реализовывалось людьми в меру своих сил, навыков и собственных представлений о справедливом и несправедливом. Однако, данное право потребовало в конечном итоге регулирования, поскольку существовало наказание за убийство и причинение вреда здоровью, а наказывать в одинаковой мере обыкновенного убийцу и человека, сопротивлявшегося нападению, было явно нельзя — это не соответствовало моральным нормам, господствовавшим в то время. Как следствие, ещё в древние времена сформировалось представление о

необходимой обороне как о том обстоятельстве, которое смягчает или же исключает уголовную ответственность» [7, с. 46].

Первым прототипом института необходимой обороны являлась кровная месть. Законы XII таблиц отражали следующее правило: «Если совершивший в ночное время кражу убит на месте, то пусть убийство его будет считаться правомерным... При свете дня... если сопротивляется с оружием [в руках], созови народ» [34, с. 11]. Этим были предприняты первые шаги к конкретизации обстоятельств, свидетельствующих об правомерности самозащиты.

В истории российского законодательства первые упоминания института необходимой обороны проглядываются в положениях «Русской правды». В ст. 38 «Русской правды» предусматривалось следующее: «Аще убьют тать на своем дворе, любо у клетки, или у хлева, то тои убит тои есть; аще ли до света держать, то вести его на князь двор; а оже ли убьют, а люди будут видели связан, то платити в нем. Оже убиен тать, а подымут ноги во дворе, ино убит, оли подымут ноги за ворота, тот платити в нем» [55, с. 27].

Новеллой уголовного законодательства времён Петра I стало достаточное точное проработка условий правомерности необходимой обороны: «Ежели нападение учинитца оружием, то мочно оружием обороняться; ежели же без оружия, то и противитися без оружия надлежит. Ежели смертной страх есть, то надлежит обороняться как возможно». Сказанным введена база необходимой обороны, где разрешалось обороняться оружием; на безоружное нападение следовало отвечать мерами без применения оружия; при наличии явной угрозы жизни обороняющегося ему разрешалось использовать любые меры отражения надвигающейся опасности.

Исследователями-историками отмечается, что по вышеназванному документу «нарушение пределов необходимой обороны приводило к наказанию, но более мягкому, чем при простом убийстве: например, тюрьма или штраф. Кроме того, в артикуле предусматривалась возможность

освобождения от уголовной ответственности лица, убившего осужденного, который оказывал сопротивление при задержании» [24, с. 345].

Проводя параллель между УК РФ от 1996 г. и Артикулом воинским 1715 г., можно уяснить, что многие положения современного уголовного закона унаследованы от него: начиная от принципа соразмерности мер и средств обороны, до смягчения наказания за превышение пределов необходимой обороны, которое нашло своё отражение в ст. 108 УК РФ, установившей привилегированный состав убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.

Уложением о наказаниях уголовных 1845 г. упрощена законодательная регламентация института необходимой обороны. Новацией Уложения о наказаниях уголовных 1845 г. является социально ценная форма обороны: «оборона со стороны женщины против посягающего насильственного на сея целомудрие и честь» (ст. 102 Уложения о наказаниях уголовных 1845 г.). Этим положением провозглашена защита от действий нападающего, посягающего на половую неприкосновенность и половую свободу женщины.

Важным законодательным положением Уложения о наказаниях уголовных 1845 г., нашедшим своё отражение в УК РФ от 1996 г., является ст. 103 Уложения, где пределы необходимой обороны расширены возможностью защиты других лиц от неправомерного нападения. На этом дореволюционное реформирование института необходимой обороны было практически завершено.

С переходом к советскому строю внесены значительные изменения в право необходимой обороны.

Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. признал состояние необходимой обороны в качестве обстоятельства, освобождающего от наказания.

УК РСФСР 1922 г. не внёс существенных нововведений или изменений в институт необходимой обороны. Им определялось два положения, относящихся к необходимой обороне: во-первых, «не подлежит наказанию

уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося, или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны» (ст. 19); во-вторых, превышение пределов необходимой обороны каралось лишением свободы сроком до одного года.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 г. также не предусматривала новых введений в институт необходимой обороны, устанавливая лишь следующее правило: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путём причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признаётся явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» [13].

Видными преимуществами Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 г. стали: расширение спектра интересов, защищаемых от общественно опасного посягательства – интересы государства, общества, личности, иного лица; введение в оборот понятия «общественно опасное посягательство», которое содержательно богаче, нежели «преступление» или «преступное посягательство»; определение пределов необходимой обороны.

УК РСФСР 1960 г. устанавливал, что «каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Правомерной является защита личности прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и

государства путём причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно несоответствующих характеру и опасности посягательства» [64].

Подход советского законодателя, отражённый в УК РСФСР 1960 г., был сохранён в УК РФ от 13.06.1996 г., введённым в действие Федеральным законом от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (от 01 января 1997 г., за исключением положений, для которых установлены иные сроки введения в действие) [67].

На основании вышеизложенного, констатируем следующие выводы по первой главе исследования.

Необходимая оборона подразумевает защиту личности и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Использование применительно к ст. 37 УК РФ понятия «общественно опасное посягательство» с позиции буквального толкования является удачной и в полной мере соответствует логике института необходимой обороны, поскольку тем самым охватываются не только преступные деяния, но и деяния, исходящие от лица, не могущего быть субъектом уголовно-правовых отношений (например, малолетних, душевнобольных). Признаками института необходимой обороны выступают: наличие общественно опасного посягательства; временной промежуток, в течение которого допускается необходимая оборона; вред причиняется только лицу, совершающему нападение; защита должно носить соразмерный

характер. Первое упоминание института необходимой обороны встречается в Законе XII таблиц в форме кровной мести. Последующее развитие необходимой обороны упоминается в собраниях средневекового законодательства. В российском законодательстве необходимая оборона закреплялась в положениях «Русской правды». В период правления Петра I создан Артикул Воинский, основанный на нормах германского права. Артикул воинский 1715 г. заложил основы института необходимой обороны – сформулировал принцип соразмерности мер и средств обороны, выделил в привилегированный состав убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны и пр. Уложение о наказаниях уголовных 1845 г. упростило правовое регулирование института необходимой обороны, смешав его с институтом задержания лица, совершившего преступление. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 12.12.1919 г. переняли дух дореволюционного законодательства в сфере регулирования института необходимой обороны. УК РСФСР 1922 г. и Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 25.12.1958 г. не внесли существенных нововведений или изменений в институт необходимой обороны. УК РСФСР 1960 г. подробным образом раскрыл содержание права на необходимую оборону. В УК РФ от 1996 г. сохранён подход советского законодателя по регламентации института необходимой обороны, дополненный обновлёнными позициями.

Глава 2 Состав необходимой обороны

2.1 Объективные признаки необходимой обороны

Необходимая оборона служит ответной реакцией на общественно опасное посягательство, обладая признаками, характеризующими его отдельные аспекты – объект, этапы, меры и средства защиты, субъект и психическое состояние. По этой причине представляется допустимым проанализировать признаки необходимой обороны, иллюстрирующие её объективные и субъективные признаки, что является типичной для правовой конструкции состава преступления.

Объективные признаки необходимой обороны составляют объект и объективная сторона защиты интересов государства, общества, личности или других лиц от общественно опасного посягательства.

Объектом необходимой обороны, с учётом ст. 37 УК РФ, составляют широкий круг общественных отношений, связанных с защитой личности и прав обороняющегося или других лиц. В каждом конкретном случае суду необходимо устанавливать, на какой объект или объекты уголовно-правовой охраны осуществлено посягательство, которому противостояло лицо в рамках реализации права на необходимую оборону. К примеру, Поворинский районный суд Воронежской области при рассмотрении дела № 1-51/2018 определил, что объектом посягательства ФИО4 стало здоровье, а в качестве способа достижения результата им было избрано нанесение ударов по телу Д. и удушение руками. В результате совершённого посягательства, Д. были причинены телесные повреждения, которые, согласно заключению судмедэксперта, расцениваются как повреждения, не причинившие вреда здоровью человека [38].

Российский законодатель справедливо не конкретизирует объект защиты, не указывает, что, например, необходимая оборона направлена на защиту жизни и здоровья, т.к. такое ограничение круга общественных

отношений несправедливо сужало бы рамки действия института необходимой обороны и в подавляющем числе случаев ущемляло бы граждан в реализации права на защиту.

Таким образом, открытый характер объектов необходимой обороны обосновывается широким спектром общественных отношений, нуждающихся в защите от противоправных посягательств. Научным сообществом поддерживается данный подход законодателя, где в качестве объектов необходимой обороны выступают «жизнь, здоровье, честь, достоинство, собственность и т.д.» [60, с. 297]. Важным объектом при необходимой обороне именуется «общественные отношения, содержание которых определяется состоянием отдельного субъекта, обеспечивающим ему возможность жить и пользоваться здоровьем, благами жизни, что требует от других такого поведения, которое не нарушало бы этого состояния» [5, с. 51].

Неприемлем подход В.В. Меркурьева относительно раскрытия объекта необходимой обороны – «само общественно опасное посягательство в виде преступления», – утверждает данный автор [26, с. 33]. Намеренное сужение общественно опасных посягательств, при которых осуществляется необходимая оборона, до категории «преступление» является неоправданным и ограничивает право человека на защиту своих прав и интересов в тех случаях, когда, например, нападение совершается малолетним или невменяемым лицом.

Исключается объективная сторона необходимой обороны и, как следствие, сам состав необходимой обороны, в случаях, когда отсутствует общественно опасное посягательство, например, при защите от законных действий уполномоченного субъекта. В данной ситуации будет иметь место воспрепятствование задержанию со стороны «псевдообороняющего» лица.

Отдельное внимание в системе обязательных признаков объективной стороны для необходимой обороны уделяется времени, в течение которого совершается общественно опасное посягательство и в рамках которого

правомерны действия лица, находящегося в состоянии необходимой обороны. Представляется верным, что таким промежутком выступает период времени, отчитывая с момента, с которого посягающее лицо готово перейти к совершению общественно опасного деяния, и заканчивая моментом окончания такого посягательства. Подтверждает сказанное материалы судебной практики [51].

Заслуживает внимания разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, что состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала совершения общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, т.е. с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

Вышеизложенное позволяет говорить о следующих элементах объективной стороны необходимой обороны:

- социально-одобряемое и правомерное действие лица, обороняющегося от неправомерного воздействия;
- причинение вреда лицу, совершающему нападение;
- причинно-следственная связь, где последствия в виде причинения вреда нападающему лицу являются следствием акта противодействия обороняющегося лица;
- обстановка, при которой у конкретного субъекта образуется субъективное право на необходимую оборону;
- время, в рамках которого оборонительные действия считаются уместными.

Отдельными авторами обосновывается позиция, согласно которой в систему обязательных признаков объективной стороны необходимой обороны средства и способы противодействия общественно опасному

посягательству не входят [4, с. 14]. С данной позицией сложно не согласиться: применение оружия и специальных средств с целью противодействия общественно опасному посягательству обладает самостоятельной нормативно-правовой регламентацией, составляемой Закона об оружии [68], Закона о полиции [69], Закона о частной детективной и охранной деятельности в РФ [12] и т.д.

На основании вышеизложенного, констатируем следующее: объект необходимой обороны формирует широкий круг общественных отношений, связанных с защитой личности и прав обороняющегося или других лиц. Открытый характер объектов необходимой обороны объясняется безграничным спектром общественных отношений, нуждающихся в защите от противоправных посягательств. Объективную сторону необходимой обороны составляют: общественно-полезное и одобряемое действие обороняющегося лица; последствие в виде причинения вреда нападающему; причинно-следственная связь между оборонительными действиями и наступившими последствиями; обстановка, при которой у субъекта возникает право на необходимую оборону; отрезок времени, в рамках которого оборонительные действия носят правомерный характер.

2.2 Субъективные признаки необходимой обороны

«Научный аспект разработки проблематики субъективного состава необходимой обороны является важным, так как здесь имеется взаимосвязь с правовым статусом гражданина и его отношениями с государством. Отдельные учёные полагают, что лиц, использующих право на необходимую оборону, правомерно относить к числу субъектов охранительного уголовно-правового отношения» [5, с. 51].

Расширительное толкование ст. 37 УК РФ говорит о том, что субъектом необходимой обороны является лицо, предпринимающее оборонительные меры, выполняющее объективную сторону необходимой

обороны. Учитывая возможность оказания помощи третьему лицу, субъектом необходимой обороны может являться лицо, защищающее третье лицо от неправомерного нападения.

Закон исключает обязательные признаки, характеризующие субъекта необходимой обороны. Право необходимой обороны распространяется на всех лиц независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти (ч. 3 ст. 37 УК РФ). Однако, наличие хотя-бы одного из вышеназванных признаков не лишает лица права на необходимую оборону. На данное обстоятельство также указывает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «... положения статьи 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц, находящихся в пределах действия Уголовного кодекса Российской Федерации, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, от того, причинен ли лицом вред при защите своих прав или прав других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Отступления от изложенного правила ставит под сомнение ценность института необходимой обороны. К сожалению, такие случаи имеют место быть. Так, В.В.О. в ночь с 15 на 16 января 2017 г., находясь в квартире совместно с У. и Б., распивали спиртные напитки, после чего он ушел в соседнюю комнату и уснул. Через некоторое время, проснувшись от сильного шума, В.В.О. увидел У., у которого на лице были ссадины и синяк. При этом У. лежал на полу, а Б. сидел на нём и наносил ему удары кулаком по лицу. Он открыл двери и стал стучаться к соседям, но ему никто не открыл. Вернувшись обратно в квартиру, он увидел, что Б. душил У. локтем.

Он попытался оттащить Б., но не смог, после чего у него случился шок и паника, дальнейшее события помнит плохо. В результате предпринятых оборонительных действий Б. был лишён жизни, оказывая сопротивление и желая причинить смерть У.

Приговором Томского областного суда В.В.О. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ [52]. Этим решением суд ставит под сомнение действие института необходимой обороны при защите прав и законных интересов других лиц.

Оборона в интересах иного лица, как правило, не требует согласия такого лица. О.С. Григорьева и С.З. Шамарин рассуждают о наличии исключений из этого правила. Так, случаи, когда имеется согласие потерпевшего на совершение в отношении него действий, посягающих на его физическую целостность, устраняют преступность действий нападающего [9, с. 92]. Такое замечание вполне разумно, т.к. характерно для контактных видов единоборств.

В научно-исследовательских работах ведутся дискуссии относительно вопроса о возрасте субъекта необходимой обороны бытует мнение, согласно которому субъектом необходимой обороны может быть физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту противодействия общественно опасному посягательству 16-го возраста, т.е. возраста, с которого наступает уголовная ответственность за деяния, сопряженные с превышением пределов необходимой обороны (ст. ст. 108 и 114 УК РФ) [37, с. 426]. С изложенным нельзя согласиться в связи с его узконаправленным применением в отношении субъектов, достигших 16-ти лет, что входит в коллизию с ч. 3 ст. 37 УК РФ, исключая признание права на необходимую оборону за лицами, младше 16-ти лет, что неприемлемо и ставит данную категорию лиц под угрозу.

С.В. Балмочных признаёт, что «субъектом необходимой обороны может быть каждое лицо, то есть любое физическое лицо, находящееся на территории действия уголовного закона России независимо от гражданства и

возраста» [6, с. 200]. Схожим образом определяет субъекта необходимой обороны А.М. Смирнов, указывая, что «с точки зрения российского уголовного закона, правом на необходимую оборону наделены все без исключения лица, не зависимо от каких-либо обстоятельств» [60, с. 297].

Приведённые авторские позиции в должной мере соответствуют содержанию и логике исследуемого института уголовного права.

Знак равенства между понятиями «субъект необходимой обороны» и «субъект преступления» не может стоять, т.к. не имеет значения возраст и вменяемость лица, предпринимающего оборонительные мероприятия. В отдельных научных трудах справедливо высказывается, что «нет законного основания лишать права необходимой обороны душевнобольных и малолетних, ибо не исключается возможность, чтобы они действовали в целях защиты конкретного правоохраняемого интереса» [8, с. 433]. Из этого следует, что состояние необходимой обороны распространяется на всех физических лиц без формальных ограничений. Вместе с тем, из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ косвенно следует, что субъект необходимой обороны должен осознавать характер и опасность посягательства и, как следствие, избираемые способ и средства защиты, т.е. фактическую сторону своих действий и их социальную значимость. Соответственно, субъект необходимой обороны, с учётом физиологического возраста и психического состояния, должен понимать общественную опасность действия нападающего и, руководствуясь этими данными, принимать осмысленные контрмеры.

На основании изложенного, субъект необходимой обороны – это любое физическое лицо, могущее понимать общественную опасность действий посягающего лица, руководить своими действиями, ориентированными на защиту своей личности и своих прав или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства.

Субъективная сторона необходимой обороны выражается отсутствием вины обороняющегося лица, т.е. невиновностью и стремлением активного воспрепятствования противоправным действиям посягающего лица.

Такие признаки, как цели и мотивы необходимой обороны, законодателем не конкретизируются, что, соответственно, не имеет ключевой роли в квалификации действий обороняющегося под состав необходимой обороны. Установление цели и мотивов необходимой обороны осуществляется судом с целью конкретизации направления субъективной стороны обороняющегося. Приведём следующие примеры. Йошкар-Олинским городским судом Республики Марий Эл выяснил, что находившийся рядом с местом происшествия Р.О.И. решил заступиться за И.Т.И. и с целью пресечения нанесения ей ударов И.А.В. нанёс последнему удар кулаком в область лица, отчего И.А.В. сел на землю и прекратил противоправное посягательство [44]. Ставропольским краевым судом Ставропольского края рассмотрено дело, в рамках которого действия О.Р.В. были обоснованы тем, что он был вынужден нанести один удар рукой по Д.С.А. и серию ударов руками по Е.Е.А. исключительно с целью остановить их неправомерные действия и предотвратить тем самым наступление опасных последствий для себя и своих близких, поскольку угрозу со стороны Е.Е.А. и Д.С.А. он воспринимал реально [45]. Сернурский районный суд Республики Марий Эл выявил, что Т.Ф.А., нанося удары ножом, преследовал цель остановить Л., полагая, что Л. продолжит своё посягательств, т.к. Л. подошёл к нему спящему, нанёс один удар кулаком в область грудной клетки и один удар кулаком по туловищу, нанёс два удара ножом в ногу, после чего Т.Ф.А. отобрал нож, он сам стал наносить ему удары ножом, не целясь, до тех пор, пока Л. не перестал сопротивляться. Нанося удары ножом, Т.Ф.А. преследовал цель применение в отношении него насилия [46].

Детализация содержания и значения факультативных признаков субъективной стороны необходимой обороны находит своё отражение в научных публикациях. Так, А.А. Зимин выделяет три цели необходимой

обороны, а именно «близлежащую цель (причинение вреда посягающему), промежуточную цель (пресечение или предотвращение посягательства) и конечную цель (защиту правоохраняемых интересов)» [15, с. 232]. Однако, представляется более удачным не выделять в качестве цели необходимой обороны причинение вреда нападающему лицу. Скорее всего, такое последствие является негативным результатом оборонительных действий, «вынужденным злом», требующимся для нейтрализации общественно опасного посягательства.

Особая проблематичность исходит от позиции, что лицо, пребывающее в состоянии необходимой обороны, стремится к выполнению социально полезной цели либо исходит из общественно одобряемых мотивов. Так, например, согласно точке зрения Н.Н. Паше-Озерского «в основе института необходимой обороны могут находиться только общественно полезные мотивы» [36, с. 61].

Противопоставим высказанному следующее.

С одной стороны, субъект необходимой обороны может руководствоваться разными целями и мотивами, в числе которых также имеют место на существование низменные нравственные побуждения, вряд ли поддающиеся одобрению со стороны общественности. К примеру, лицо может противодействовать нападению, направленному в отношении другого лица, но действуя из корыстных побуждений (рассчитывая на вознаграждение), в том числе понимая, что данное обстоятельство будет освещено в средствах массовой информации, что придаст его личности медийности.

С другой стороны, необходимая оборона может выступать внешней оболочкой акта возмездия или самосуда в отношении посягающего лица, хотя и могут иметься возможности причинить минимальный вред его здоровью либо избежать конфронтации. Усиливается такая возможность положениями ч. 3 ст. 37 УК РФ, согласно которой институт необходимой обороны в равной мере распространяет своё действие на всех лиц независимо

от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

В связи с чем напрашивается вывод, что цели и мотивы оборонительных действий не обладают юридическим значением и могут быть различными.

На основании вышеизложенного, констатируем следующие выводы по второй главе исследования.

Объект необходимой обороны формирует широкий круг общественных отношений, связанных с защитой личности и прав обороняющегося или других лиц. Открытый характер объектов необходимой обороны объясняется безграничным спектром общественных отношений, нуждающихся в защите от посягательств. Объективную сторону необходимой обороны составляют: общественно-полезное и одобряемое действие обороняющегося лица; последствие в виде причинения вреда нападающему; причинно-следственная связь между оборонительными действиями и наступившими последствиями; обстановка, при которой у субъекта возникает право на необходимую оборону; отрезок времени, в рамках которого оборонительные действия носят правомерный характер. Субъектом необходимой обороны может выступать любое физическое лицо (как подвергаемое нападению, так и защищающее интересы другого лица), находящееся на территории РФ независимо от гражданства и возраста. Субъективная сторона необходимой обороны характеризуется невиновностью и стремлением активно воспрепятствовать действиям посягающего лица.

Глава 3 Проблемные аспекты практического применения института необходимой обороны

3.1 Условия правомерности необходимой обороны

В теории уголовного права ещё не выработано общепризнанного подхода к определению условий правомерности необходимой обороны. Избыточность оценочных суждений, присутствующих в норме и актах-разъяснениях об институте необходимой обороне, такие как «явное несоответствие характеру и опасности посягательства», «невозможность объективной оценки» и т.п., препятствуют объективной оценке содеянного [57, с. 106]. Внешним отражением несовершенства правового регулирования, делегированного толкования и научно-теоретической базы являются сложности правоприменителя в верной квалификации содеянного в качестве необходимой обороны либо превышения пределов необходимой обороны.

В теории уголовно-правовых отношений сформировались несколько подходов к определению видов и содержания условий, соблюдение которых придаёт оборонительным действиям правомерный характер.

Руководствуясь традиционным подходом, условия правомерности необходимой обороны образуют две группы:

- условия, относящиеся к нападению, т.е. общественно опасному посягательству;
- условия, относящиеся к обороне, т.е. защите от посягательства.

Условия, относящиеся к первой группе, характеризуются следующими признаками:

- наличие общественно опасного посягательства;
- противоправный характер посягательства;
- действительность посягательства.

Основным условием правомерности необходимой обороны традиционно признаётся общественная опасность посягательства. Названное

условие заключается в том, что необходимая оборона действительна против нападения, которое по совокупности своих признаков формирует общественно опасное деяние. В силу этого, данное условие является юридическим основанием необходимой обороны.

Анализ правоприменительной практики позволяет указать, что необходимая оборона противится насильственному общественно опасному деянию. Именно по этой причине законодатель делит необходимую оборону на защиту от посягательства, сопряженного либо не сопряженного с насилием. Как мы видим, им в институт необходимой обороны интерпретируются дефиниции «насилие» и «непосредственная угроза применения насилия» (ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ), а также «нападение» (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ). Ни один из названных понятий не раскрывается в ст. 37 УК РФ и специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Высшая судебная инстанция лишь ограничивается описанием внешних признаков названных категорий и перечислением примеров. Так, о наличии общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, могут свидетельствовать в частотности:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия,

взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

Под посягательством, не сопряженным с насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, Верховный Суд РФ понимает совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица. К этой категории им относятся, например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

Раскрываются данные правовые категории в иных актах-разъяснениях высшей судебной инстанции.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» под насилием, не опасным для жизни или здоровья, понимается умышленное нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы. Под насилием, опасным для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия понимаются умышленные действия, повлекшие причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также лёгкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности и угрозу совершения перечисленных действий (п. 23) [31].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» разъяснено, что под нападением понимаются действия, направленные на достижение преступного результата путём применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения [32].

Учитывая наличие разъяснений относительно исследуемых категорий, их содержание раскрывается лишь применительно к отдельным составам преступлений. Их трактование по аналогии сомнительно.

Недоумение вызывает подход законодателя в ст. 37 УК РФ, где им используется такая форма осуществления общественно опасного посягательства, как нападение. Таким образом законодателем практически ставится знак равенства между понятиями «общественно опасное посягательство» и «нападение». Обосновываются сомнения тем, что действия, отражаемые в состоянии необходимой обороны, могут выражаться не только в форме нападения, но и в иных формах противоправного посягательства. Отмечается, что «посягательством также являются и общественно опасные ненасильственные действия, грозящие немедленным причинением вреда личности, обществу, государству» [23, с. 148].

Не находят поддержки позиции авторов о том, что «невозможно применение необходимой обороны в случае совершения деяний по неосторожности, так как подобное противоправное деяние может быть прервано словом, окриком и т.д.» [73, с. 210]. Такой подход подрывает ценность института необходимой обороны, поскольку обороняющемуся лицу предварительно следует выяснить форму вины посягающему, что выглядит абсурдно. Более того, по данному поводу высказался Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснив, что под посягательством, сопряженным с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или

другого лица, понимается совершение и иных деяний (действий или бездействия) в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью УК РФ, которые хотя и не сопряжены с насилием, однако с учётом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путём причинения посягающему вреда.

Общественно опасное посягательство может реализовываться не только путём осуществления единичного акта – отдельные противоправные деяния могут происходить в несколько эпизодов, наделённых самостоятельной общественной опасностью. При этом каждая такая ситуация будет выступать юридическим основанием для возникновения права на необходимую оборону. Представители научного сообщества и правоприменительных органов утверждают, что «правомерным является применение мер необходимой обороны и тогда, когда защита последовала сразу после окончания противоправного посягательства, с оговоркой о том, что в конкретной ситуации для обороняющегося момент завершения посягательства не был очевиден» [18, с. 321]. Президиум Забайкальского краевого суда по поводу вопроса определения в конкретном деле у лица права на необходимую оборону высказал следующее: «для осужденного не был ясен момент окончания общественно опасного посягательства, совершенного группой лиц, и он не утратил право на оборону. Эмоциональное состояние осужденного после общественно опасного посягательства, совершенного в ночное время, повлекшего причинение лёгкого вреда его здоровью, не позволяли ему объективно оценить обстановку. Он имел основания расценить появление потерпевшего на месте происшествия как продолжение этого посягательства» [39].

Действительность общественно опасного посягательства означает, что такое деяние имеет реальный характер и не выступает плодом воображения или результатом субъективной оценки и переживаний обороняющегося.

При помощи этого критерия осуществляется разграничение необходимой обороны от мнимой обороны. Категория «мнимая оборона»

научно объясняется в качестве фактической ошибки обороняющегося относительно общественно опасного посягательства. Заблуждение обороняющегося может быть обусловлено неверной оценкой действий другого лица. Может и иметь место фактическая ошибка, при которой происходит неверная оценка личности посягающего. В связи с чем, под мнимой обороной необходимо воспринимать особую уголовно-правовую ситуацию, «содержание которой включает ошибку субъекта относительно наличия общественно опасного посягательства со стороны другого лица, под влиянием которой субъект причиняет вред, ошибочно полагая, что пребывает в состоянии необходимой обороны» [35, с. 261].

Исходя из судебной практики, мнимую оборону суды также трактуют буквально, понимая под ней ложную, притворную оборону.

Приведём следующий пример. Верховным Судом Республики Алтай рассмотрено дело № 22-574/2019, в котором в действиях ФИО1 выявлены признаки мнимой обороны, где он сам спровоцировал ситуацию, представляющую опасность для жизни ФИО5, первый достал нож и демонстрировал его, каких-либо реальных угроз со стороны ФИО5 не исходило, оснований опасаться за жизнь и здоровье у ФИО1 не имелось, он понимал отсутствие реальной опасности для его жизни, не предпринимал попыток убежать в ходе конфликта, а напротив обострял его, демонстрируя нож, из чего следует, что ФИО1 умышленно спровоцировал опасную ситуацию и использовал её для причинения вреда жизни ФИО5 [47].

Ряд авторов рассуждают о том, что «вопрос об уголовной ответственности при мнимой обороне решается по правилам извинительной и неизвинительной ошибки. Если обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, но обороняющееся лицо не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения, то уголовная ответственность исключается. В данном случае имеет место извинительная ошибка. При неизвинительной ошибке лицо не осознаёт мнимости общественно опасного посягательства, но по

обстоятельствам дела должно было и могло это осознавать. В данном случае ответственность наступает как за неосторожное преступление. Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала оснований полагать, что происходит посягательство, то лицо несёт уголовную ответственность на общих основаниях» [56, с. 25].

Соответственно, состояние мнимой обороны приравнивается к реальной. Об этом также указывал Пленум Верховного Суда РФ (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

Вторую группу условий правомерности необходимой обороны, характеризующих защиту от общественно опасного посягательства, формируют следующие параметры:

- защите подлежат только интересы, подлежащие уголовно-правовой охране;
- «вынужденное зло» - нанесение вреда нападающему с целью самозащиты или защиты третьего лица;
- осуждается превышение пределов необходимой обороны.

Очевидно, первый критерий отсутствует при осуществлении оборонительных действий, направленных на противодействие правомерному задержанию, что, зачастую, наблюдается во время массовых мероприятий.

Необходимо заметить, что в ходе осуществления оборонительных действий причиняется лишь посягающему лицу либо группе лиц (при групповом деянии).

Вред, причиняемый нападающему лицу, может быть физическим или имущественным. Физический вред является наиболее распространённым, о чём также указывается специалистами, в силу особенностей института необходимой обороны [10, с. 58]. Имущественный вред может причиняться совместно с физическим, либо в качестве самостоятельного вида вреда. Так,

имущественный вред имеет место в ходе столкновения, когда последствием оборонительных действий является нанесение ущерба его одежде.

Уголовно-правовая норма о необходимой обороне подразумевает защиту от двух групп общественно опасных деяний:

- сопряженных с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой его применения;
- не сопряженных с таким насилием (угрозой).

Следует признать, что в первом случае отсутствует состав превышения необходимой обороны, поскольку существует реальная угроза наступления тяжких последствий наиболее ценным человеческим благам. Превышение пределов необходимой обороны, о чём также говорит Пленум Верховного Суда РФ, может существовать в случае общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица. Тем не менее, в научной среде отмечается, что «не требуется полного равенства между опасностью посягательства и причиненным посягающему вредом. Этот вред может быть и более значительным, чем характер и степень общественной опасности посягательства. Поэтому причинение смерти при отражении посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни для человека, но грозящим причинением серьёзного вреда здоровью, при угрозе насилием, которая носит неопределенный характер, далеко не всегда будет являться превышением пределов необходимой обороны. Например, если при покушении на изнасилование, угрозе причинения тяжкого вреда здоровью или проникновении в жилище, в котором находятся люди, причинена смерть посягающему, нельзя однозначно сделать вывод о превышении пределов необходимой обороны. Если нет явного несоответствия обороны характеру и степени общественной опасности посягательства, то действия обороняющегося надо признать правомерными» [11, с. 7].

В подтверждение изложенной позиции приведём резонансный пример из судебной практики. По приговору суда первой инстанции В. осуждена по

п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ к лишению свободы на 2 года с отсрочкой отбывания наказания по достижению её ребёнком четырнадцатилетнего возраста.

Суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия В. на ч. 1 ст. 114 УК РФ, изменив ей наказание на исправительные работы сроком на 6 месяцев.

Суд кассационной инстанции оставил вышеуказанные судебные решения без изменения.

С учётом внесённых в приговор изменений, В. осуждена за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Р., совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Привлекает внимание в данном деле то, что «Верховным Судом РФ установлено, что В. нанесла ножевое ранение Р. в момент его нападения, пытаясь защититься от его неправомерных действий, в том числе, связанных с надавливанием на горло, при этом признав достоверными показания В. о том, что в результате сдавливания горла она стала задыхаться и поняла, что не может освободиться, в связи с чем и ударила В. ножом, когда пыталась оттолкнуть. Между тем, действия Р., связанные с надавливанием на горло, от которых В. стала задыхаться, свидетельствуют о реальной угрозе её жизни. В. нанесла Р. один удар ножом именно в момент реальной опасности для её жизни с целью своего спасения. Таким образом, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, установленные судами действия В. не являются преступлением.

Решения нижестоящих судебных инстанций были отменены, уголовное дело в отношении В. прекращено за отсутствием в её действиях состава преступления, за ней признано право на реабилитацию» [19].

Фактические обстоятельства необходимо соотносить с возможностями для осуществления защиты, которые во многом обуславливаются антропометрическими (возраст, рост, вес), физиологическими (состояние здоровья) и гендерными (пол – мужской или женский) параметрами обороняющегося, наличием орудий и средств защиты, психического

состояния обороняющегося и т.д. В связи с этим представляется весьма удачным внесение в ст. 37 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 2.1 со следующим содержанием: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» [70].

Изложенная законодательная норма действует лишь в отношении нападений, что достаточно логично, т.к. такая форма нападения, как правило, провоцирует внезапное формирование у обороняющегося лица психотравмирующей ситуации, вызванной спонтанностью и агрессивностью поведения нападающего. Рассмотрим её действие на следующем примере.

Из показаний П., полученных в рамках предварительного следствия, следует, что с целью предотвращения дальнейшего конфликта с ФИО1 он произвел предупредительный выстрел из травматического пистолета в воздух, после чего конфликт был исчерпан. После П. направился домой, но пройдя около 50 метров, заметил, что ФИО1 обошёл его справа и резко нанёс стеклянной бутылкой один удар по лицу, отчего бутылка разбилась, и лицо П. стало заливать кровью. П. отступил на два метра и увидел в руке ФИО1 осколок от бутылки. ФИО1 никаких угроз ему не высказывал, однако начал движение в сторону П., из-за чего ему пришлось достать из кобуры пистолет и, не целясь, произвел в сторону ФИО1 выстрел. Заключение эксперта № 2477 от 05 апреля 2018 г. у ФИО1 выявлена рана правой скуловой области, перелом основания черепа, множественные переломы лицевых костей справа, осложнившейся нейропатией лицевого нерва, причинившие тяжкий вред здоровью. Согласно выписке из медкарты от 04 марта 2018 г. у П. выявлен открытый перелом костей носа со смещением отломков, ушибленная рана лица.

Суд апелляционной инстанции усмотрел, что при совокупности исследованных доказательств, с учётом требований закона, П. находился и действовал в состоянии необходимой обороны, не превысив её пределы.

Действия ФИО1, пребывавшего в состоянии алкогольного опьянения, суд апелляционной инстанции признал в качестве неожиданных. Общественно опасное посягательство, совершенное ФИО1, оценено в качестве сопряженного с насилием, опасным для жизни и здоровья П.

Суд апелляционной инстанции оценил способ отражения нападения в качестве правомерного, т.к. применение травматического пистолета являлось единственно возможным и доступным для П. способом самозащиты от нападения.

При учёте изложенных данных, суд апелляционной инстанции посчитал, что в действиях П. отсутствует состав преступления, и он подлежит оправданию с правом на реабилитацию [40].

На основании вышеизложенного, констатируем следующее: существует две группы условий, придающих правомерный характер необходимой обороне. В первую группу условий входят: наличие общественно опасного посягательства; противоправный характер посягательства; действительность посягательства. Вторую группу условий составляют: защите подлежат только интересы, подлежащие уголовно-правовой охране; «вынужденное зло»; карается превышение пределов необходимой обороны.

3.2 Проблемы превышения пределов необходимой обороны

«Превышение пределов необходимой обороны несёт объективную опасность для общества и государства, а значит обуславливает привлечение лица к ответственности» [66, с. 141].

В качестве единственного критерия соблюдения пределов необходимой обороны называется соответствие оборонительных действий характеру и

степени опасности общественно опасного посягательства. Высказываются позиции о необходимости отказаться от такого параметра: «представляется возможным исключить термин «характер» из дефиниции превышения пределов необходимой обороны, что позволит акцентировать внимание правоприменителей на установлении соответствия обороны главному, единственному многоаспектному свойству посягательства – его общественной опасности» [62, с. 492]. Однако, данной точкой зрения противопоставляются иные. Так, «... явной следует считать такую глубину несоответствия между интенсивностью защиты и посягательства, а также между защищаемым и нарушаемым благом, которая была очевидна для обороняющегося и по обстоятельствам дела не могла вызывать у него сомнения. Явность несоответствия защиты посягательству свидетельствует о чрезмерном разрыве между ними, поэтому от обороняющегося нельзя требовать, чтобы причиненный им вред был меньшим или равным вреду, угрожавшему при посягательстве» [10, с. 20]. Действительно, не стоит рассматривать действия лица, находящегося в состоянии необходимой обороны, как совершаемые с превышением её пределов и тогда, когда причиненный в результате обороны вред будет большим, чем вред, который предотвращён и тот, который был достаточен для предотвращения нападения, если при этом не было допущено явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства. Правоприменительная практика подтверждает сказанное.

Излишняя абстрактность дефиниций, используемых в рамках института необходимой обороны, приводит к правоприменительным ошибкам.

В научном сообществе высказывается, что «понятие пределов необходимой обороны в законе изложено в оценочной форме, что даёт широкий простор для усмотрения правоприменителя» [27, с. 85]. Такая ситуация лишь препятствует реализации права человека на необходимую оборону.

Следующая проблематика отмечается на фоне последних концептуальных изменений уголовного закона: А.Г. Кибальник подчёркивает, что парламентариями фактически стёрты пределы необходимой обороны применительно к случаям нападения, несущим реальную опасность для жизни и здоровья человека. Данным автором говорится, что «логика этой нормы понятна – человек имеет естественное и неотъемлемое право защищать свою жизнь (и жизнь третьих лиц) любыми доступными способами и средствами. Как известно, в п. 2 постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. № 19 определены признаки посягательства, угрожающего жизни, оборона от которого может быть «беспредельной». Однако нижестоящие суды нередко нарушают это предписание, «по традиции» усматривая превышение пределов необходимой обороны в случаях причинения смерти нападающему лицу» [20, с. 39-40].

Необходимо согласиться со сказанным. В большинстве случаев суды встают на защиту нападавшего лица, нежели отстаивают права и законные интересы обороняющегося лица. Подобная несправедливость является предметом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования, поскольку грубо нарушает положения ст. 37 УК РФ. Примером тому послужит кассационная практика Московского областного суда от 05 сентября 2018 г. по делу № 44У-181/2018, инициированная кассационная жалобой адвоката Б.М.А. Им указывалось, что С.А.Ю. действовал в пределах необходимой обороны, а обстоятельства, установленные судом, и доказательства, отраженные в приговоре суда первой инстанции, свидетельствуют о том, что действия С.А.Ю. носят правомерный характер, поскольку последний оборонялся от агрессивных действий потерпевшего К. и свидетеля Ж. Адвокатом Б.М.А. подчеркнут, что выводы суда о том, что выбранный С.А.Ю. метод защиты от посягательства со стороны потерпевшего и свидетеля является соразмерным удару стеклянным кувшином, а также ударам руками и ногами, в достаточной степени отвечает положениям ч. 2.1 и 3 ст. 37 УК РФ; судом не учтено, что действия С.А.Ю.

соответствовали характеру и степени общественной опасности посягательства, т.к. его жизни и здоровью угрожала реальная опасность, исходящая со стороны К. и Ж., которые своими действиями создавали угрозу немедленного применения насилия, опасного для здоровья.

Анализ материалов уголовного дела, возбужденного в отношении С.А.Ю., позволяет согласиться с суждениями адвоката Б.М.А., поскольку Ж. и К. находились в состоянии опьянения, использовали стеклянный графин для нападения на С.А.Ю. за то, что последний сделал им устное замечание на нарушение общественного порядка.

Кассация усмотрела реальную опасность для жизни С.А.Ю., а предпринятые им действия являлись соразмерными характеру и степени нападения. Им было утверждено, что наличие профессиональных навыков С.А.Ю., обстановка обороны, количество нападавших, и удары кием для самозащиты соответствуют положениям ст. 37 УК РФ.

Руководствуясь изложенным, кассационная инстанция удовлетворила жалобу адвоката Б.М.А., отменив решения нижестоящих судов, признав за С.А.Ю. право на реабилитацию [29].

Перейдём к рассмотрению проблемы превышения пределов необходимой обороны специальными субъектами – сотрудниками правоохранительных органов. Позиции о реализации специальными субъектами права на необходимую оборону отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». В п. 27 данного акта-разъяснения определяется, что положения ст. ст. 37 и 38 УК РФ распространяются на специальных субъектов – сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств. Они не обделены от общих правил в реализации своего субъективного права на необходимую оборону и наравне с иными лицами

несут бремя ответственности за превышение пределов необходимой обороны. Однако, из анализа п. 28 данного постановления следует, что, во-первых, специальные субъекты должны соблюдать правила применения мер физического воздействия, огнестрельного оружия, специальных средств, боевой и специальной техники, и другие условия, предусматриваемые законами, уставами, положениями и иными нормативными правовыми актами, для исключения их ответственности за причиненный вред, а, во-вторых, трактовка абз. 1 п. 28 рассматриваемого постановления «расширяет» пределы необходимой обороны специальных субъектов, т.к. отдельные нормативные правовые акты предусматривают более «широкие» права по применению огнестрельного оружия, специальных средств и техники.

Некоторые авторы резюмируют, что полномочия военнослужащих по применению силу регламентированы преимущественно специальными законами и подзаконными правовыми актами, а не нормами уголовного закона [2, с. 69]. В перечень таких актов входят Закон о статусе военнослужащих (ст. 27) [71], Устав Внутренней службы ВС РФ (ст. ст. 13 и 14), Устав гарнизонной и караульной службы ВС РФ (ст. 115) [65]. Вместе с тем, Пленум Верховного Суда РФ предусмотрел приоритет именно за нормами уголовного закона в той степени, в которой он охраняет право на жизнь, здоровье и право защищать себя или других лиц не запрещенными законом способами.

На такое умозаключение наталкивает буквальное толкование п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». При этом, в ходе исполнения служебных обязанностей критерий правомерности необходимой обороны выражается в соблюдении всех инструкций и ведомственных правил. Однако, если по результатам необходимой обороны действия специального субъекта привели к смерти или иным тяжким последствиям, то

подлежат действию положения УК РФ о необходимой обороне или крайней необходимости.

Поиск судебной практики по реализации специальными субъектами права на необходимую оборону с учётом положения п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» не дал должных результатов. При этом, судебной практике известен случай, когда военнослужащий срочной службы был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ. Суд первой инстанции, рассматривая данное дело, отклонил доводы государственного обвинителя о том, что действия виновного следовало квалифицировать как умышленное убийство сославшись на п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [1].

Рассуждения о вышеуказанном судебном деле приводят к следующей мысли: прокурор использовал в качестве доводов нарушение военнослужащим положений воинского устава и должностных инструкций, поскольку после отражения нападения на охраняемый им объект он покинул место несения службы и осуществил преследование, а достигнув нарушителей применил огнестрельное оружие. Суд опроверг изложенные доводы, сославшись на п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», установив, что право задерживать нарушителей, а, соответственно, право на необходимую оборону в ходе выполнения служебных обязанностей превалирует над содержанием специальных нормативных правовых актов. Из этого вытекает, что п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», был применён,

что противоречило специальной норме, применимой к данному случаю, а именно п. 28 указанного постановления, диктующему специальному субъекту соблюдать правила и инструкции использования огнестрельного оружия с целью исполнения служебных обязанностей, что выступает в качестве критерия правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны.

Анализ правоприменительной практики военной прокуратуры свидетельствует о том, что, когда военнослужащие применяют огнестрельное оружие на поражение при несении охранной или конвойной службы, соблюдая воинские уставы и инструкции, то в отношении последних не возбуждаются уголовные дела. Так, «на территорию поста, охраняемого рядовым В., проник неизвестный в гражданской одежде и направился в сторону часового. На сделанные В. в полном соответствии с уставными требованиями окрики и предупреждения неизвестный заявил в нецензурной форме, что ему безразлично, и он, часовой, может стрелять. После этого рядовой В. сделал предупредительный выстрел в воздух. Нарушитель, не реагируя на это, продолжал двигаться в сторону часового. Тогда В. Применил к нему оружие. От полученных ранений гражданин скончался на месте» [3].

Первое впечатление от изложенной ситуации – соблюдены специальные правила несения службы, требующую принятия оперативных решений по охране режимного объекта, что, без сомнений, исключает превышение пределов необходимой обороны. Однако, помня об условиях правомерности необходимой обороны, в данной ситуации наличествует лишь опасность наступления негативных последствий для третьих лиц и государства. Кроме того, понимая, что дистанция, с которой произведён выстрел, с большей долей вероятности допускала не летальный исход для нарушителя, например, при выстреле в нижние конечности, могут вызвать вопросы в квалификации действий военнослужащего. Тем не менее ведомственные нормативные правовые акты и абз. 1 п. 28 Постановления

Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» допускали такую возможность и, соответственно, признавали их правомерность.

Давая оценку рассмотренной ситуации и позиции Пленума Верховного Суда РФ, возникает ряд вопросов. Так, Пленум Верховный Суд РФ в абз. 2 п. 28 Постановления «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» допускает причинение вреда в нарушение установленных правил применения огнестрельного оружия и иных специальных средств, если промедление специального субъекта в применении огнестрельного оружия и иных специальных средств может привести к тяжёлым последствиям или создать непосредственную опасность их наступления. К таким последствиям высшая судебная инстанция относит смерть двух и более лиц, а также экологическую катастрофу, диверсию и т.п. Однако, какой оценке подлежат случаи, когда промедление приводит к смерти одного человека, остаётся открытым.

Представляется разумным, что п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» необходимо воспринимать расширено, включая к числу таких тяжких последствий угрозу не только двух и более лиц, но и одного. Но, ввиду немногочисленной практики реализации специальными субъектами права на необходимую оборону, нельзя определить вектор применения положений ст. 37 УК РФ и п.п. 27 и 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Выводы судов общей юрисдикции далеко не всегда соответствуют буквальному пониманию позиций Пленума Верховного Суда.

На основании вышеизложенного, констатируем следующее: превышение пределов необходимой обороны несёт объективную опасность для общества и государства, что обосновывает осуждение лица, злоупотребившего данным правом. В качестве единственного критерия отсутствия превышения пределов необходимой обороны называется соответствие оборонительных действий характеру и степени опасности посягательства. Однако, в квалифицированном большинстве случаев излишняя абстрактность дефиниций, применяемых к институту необходимой обороны, приводит к правоприменительным ошибкам. Дефиниция «пределы необходимой обороны» изложена в оценочной форме, что предоставляет широкий простор для усмотрения правоприменителя. Признание Пленумом Верховного Суда РФ в качестве основания возникновения права на необходимую оборону причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов) крайне сомнительно, т.к. обороняющийся вряд ли сможет дать отпор, например, при ранении ножом в лёгкое, печень или сердце (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19). Оказание помощи лицу, подвергшемуся нападению при изложенных условиях, вряд ли можно отнести к институту необходимой обороны, т.к. шанс выживания потерпевшего минимален, в данной ситуации имеет место принятие мер по задержанию лица, совершившего преступление.

3.3 Предложения по совершенствованию института необходимой обороны

Перспективы совершенствования института необходимой обороны, условно, можно разделить на две группы:

- развитие уголовно-правовой доктрины;
- обогащение содержания уголовно-правовых норм, касающихся института необходимой обороны.

Более подробно меры по совершенствованию института необходимой обороны будут рассмотрены ниже.

В научных кругах довольно часто обсуждается перспектива отмены верхнего предела мер необходимой обороны. Однако, основным препятствием называется формирование так называемых случаев «беспредельной обороны», т.е. когда лицо провоцирует нападение с целью причинения «правомерного» вреда здоровью. Эту мысль разделяет Э.О. Побегайло [53, с. 72]. В целом такая позиция является верной. Возможными путями реализации данной инициативы видится развитие следственно-судебной практики, а также применение норм, учитывающих интересы нападающего и обороняющегося.

А.Г. Кибальник подмечает, что «нередко причинение вреда в состоянии обороны носит «камерный» характер, когда одному нападающему противостоит один и сопоставимый по физическим параметрам защищающийся, а само посягательство и защита осуществляются в отсутствие свидетелей или средств фиксации. В этих случаях однозначно установить существование реальной угрозы жизни нередко попросту невозможно. По существу, речь идёт о наличии неустранимого сомнения в факте (при отсутствии неопровержимых доказательств) обратного, и суд, следуя предписаниям ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, обязан встать «на сторону» обороняющегося лица» [20, с. 40]. В качестве подтверждения данной позиции необходимо привести материалы Постановления Верховного Суда РФ от 11 декабря 2019 г. по делу № 181-П19, где высшая судебная инстанция встала на сторону обороняющегося лица, усомнившись в выводах нижестоящих судов относительно того, что Г., отказавшись выполнить незаконные требования М. и П. о передаче им одной овцы, а также получив от них угрозы причинения смерти, если он не выполнит их требование, попытался избежать конфликта, однако, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, М. и П. начали преследовать его на автомашине и пугали наездом. После того, как нападавшие настигли Г., они вновь стали

высказывать угрозы лишение его жизни, в подкрепление своих угроз М. обхватил кистями рук шею Г. и стал душить его, а П. удерживал левую руку с целью обездвижить. В ответ на данное посягательство Г. вынул правой рукой разделочный нож и с целью самообороны ударил им М. в заднюю поверхность левого плеча и область живота. От полученных телесных повреждений, М. скончался на месте происшествия, а действия Г. квалифицированы по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев данное уголовное дело, отменил решения нижестоящей инстанций и передал уголовное дело на новое рассмотрение [41].

Проанализируем приведённое судебное дело. В ходе произошедшего конфликта принимали участие трое лиц – Г., предпринявший оборонительные действия, М. и П., напавшие с применением насилия, опасного для жизни Г. В связи с этим, нижестоящим инстанциям при даче оценки показаниям обороняющегося лица следовало относиться критически, однако ввиду отсутствия иных достоверных источников доказательственной информации, позволяющих восстановить обстановку произошедшего, опровергнуть показания потерпевшего не представлялось возможным. При этом, из решения нижестоящих инстанций видно, что они отдали приоритет показаниям П. и факту причинения смерти М., признав предпринятые оборонительные действия Г. в качестве преступных. Однако, как видно из содержания судебных решений, у Г. имелись действительные опасения за свою жизнь, против него выступило два человека, находившихся в нетрезвом состоянии, при этом Г. пытался избежать конфликта, но нападавшие лица преследовали его на автомашине и пытались совершить наезд. Такие обстоятельства свидетельствуют о том, что предпринятые Г. меры были направлены исключительно на защиту своей жизни.

В научных исследованиях высказывается необходимость нормативной детализации такого критерия правомерности защиты при необходимой обороне, как соразмерность посягательства и причиняемого вреда нападавшему. Решение вопроса о соразмерности посягательства и

причиняемого вреда нападавшему пребывает в области судебного усмотрения, т.е. подлежит самостоятельной оценке в каждом конкретном случае. Убедительным примером данному послужит уголовное дело, рассмотренное Цивильским районным судом Чувашской Республики. Апелляционный суд, восприняв, что А., физический крепкий индивид, нанёс три удара руками по лицу Н. (на момент обороны – 64 года), находясь в тёмное время суток в малолюдном месте, тем самым совершив нападение на Н. Апелляционная инстанция верно оценила оборонительные действия Н., предпринятые в состоянии необходимой обороны, а именно нанесение двух ударов головой в область лица А. Более того, суд подтвердил довод, что у Н. имелись реальные основания опасаться за свои органы зрения, т.к. А. разбил ему очки.

После завершения оборонительных действий, Н. прекратил наносить удары по А., что не свидетельствует об превышении пределов необходимой обороны.

Исходя из сказанного, апелляционная инстанция отменила приговор в отношении Н., оправдав его совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, и признав за ним право на реабилитацию [42].

А.В. Ананьиным и Н.Е. Степаненко высказывается позиция о дополнении ст. 37 УК РФ следующим положением: «в случае наличия у обороняющегося возможности выбора способа защиты, он обязан применить тот, который сохранит жизнь нападающему, и это должно быть законодательно закреплено» [2, с. 69].

Предложенное нововведение видится вполне адекватным. Ч. 1 ст. 37 УК РФ предоставляет каждому широкие возможности по защите от насильственного посягательства. При этом, нередко нападение может осуществляться психически нездоровыми лицами, женщинами, малолетними. Кроме того, нельзя исключать случаи мнимой обороны. При учёте сказанного, позиция А.В. Ананьиной и Н.Е. Степаненко требует дополнения, т.к. обороняющийся не всегда может трезво оценить степень

опасности и выбрать соразмерный способ защиты. Неожиданность нападения, вследствие чего обороняющийся не может объективно оценить степень и характер опасности нападения, о чём говорится в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, исключает или минимизирует возможность избрания гуманного способа защиты. Остаётся спорным вопрос, как обороняющемуся лицу следует действовать при посягательстве, совершенном, например, в ночное время с проникновением в жилище, ведь нападающий угрожает не только жизни и здоровью обороняющегося лица, но и его имуществу, а также жизни и здоровью его близких, находящихся на территории жилой площади. Человеческий инстинкт по защите себя, своего потомства и своей собственности продиктует необходимость применить такую ответную меру, при которой источник опасности будет сокрушён. К сожалению, в большинстве таких случаев предпринимаются ответные меры, влекущие к осуждению обороняющегося лица.

Наглядным примером изложенному рассуждению может стать Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 17 октября 2019 г. по делу № 1-3/2019. Так, судом установлено, что 29 июля 2018 г. в ночное время суток к С.М.М., находившемуся во дворе своего дома пришёл Х.Д.Г. в состоянии алкогольного опьянения, и нанёс ему удары С.М.М. удары в область головы и туловища металлической трубой, от которых последний упал. Х.Д.Г., подойдя к находившийся там же С.Н.В. (супруге С.М.М.), Х.Д.Г. схватил её за руки и попытался повалить на землю, высказывая намерения изнасиловать в присутствии супруга. С.М.М., желая пресечь совершение противоправных действий Х.Д.Г., оттащил его от супруги и стал наносить удары руками и ногами по различным частям тела. Продолжая свои действия после того, как Х.Д.Г. был сбит с ног и прекратил оказывать физическое сопротивление, С.М.М., по мнению суда, умышленно, на почве внезапно возникшей личной неприязни, с целью причинения тяжкого вреда здоровью Х.Д.Г., нанёс последнему удары металлической трубой в область головы.

Руководствуясь позицией суда, появление находившегося в состоянии алкогольного опьянения Х.Д.Г. во дворе дома С.М.М., внезапность нанесённого последнему удара в жизненно важный орган человека, ночное время, агрессивное поведение и действия Х.Д.Г., применение металлической трубы в качестве оружия, свидетельствуют о том, что Х.Д.Г. создавал реальную опасность для жизни С.М.М., у которого с учётом времени, места, обстановки и способа посягательства, предшествовавших посягательству событий, наличия ранее возникших неприязненных отношений имелись основания опасаться дальнейшего насилия в отношении него самого и его супруги со стороны потерпевшего, прошедшего длительную службу в ОВД, принимавшего участие в боевых действиях на Северном Кавказе, имевшего специальную физическую подготовку.

При учёте сказанного, суд не усмотрел в действиях С.М.М. состава необходимой обороны, признав его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, назначив наказание в виде 4 лет лишения свободы [43].

О.В. Матюнин замечает, что в 2013 и 2014 гг. в Государственную Думу РФ вносились законопроекты по расширению института необходимой обороны, предоставляющей обороняющемуся право на оборону в случаях с проникновением в жилище, не сопряженным с применением насилия опасного для жизни или здоровья, или угрозой его применения [25, с. 17]. К сожалению, данные инициативы были отклонены, а в 2022 г. отражены на ненормативном уровне, а именно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 г. № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», которым проникновение в жилище в ночное время приводится в качестве примера неожиданности общественно опасного посягательства [33].

Вышеизложенное положение вещей нельзя признать в качестве равноценных. С целью его уравнивания на рассмотрение парламентариев внесён Законопроект от 12.05.2022 г. № 122117-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым предлагается дополнить ст. 37 УК РФ следующим содержанием: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, направленные на защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни или проживающих с ним лиц, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, либо на защиту своего имущества при незаконном проникновении посягающего лица в его жилище» [14]. Инициаторы законопроекта объясняют необходимость обновления ст. 37 УК РФ новым положением статистическими данными в части рассмотрения дел, связанных с превышением необходимой обороны: в 2021 г. по ст. 108 УК РФ осуждено 132 человека, оправдано 2; по ст. 114 УК РФ осуждено 203 человека, оправдательных приговоров не было. Оправдательные приговоры в большинстве случаев постановляются при освещении таких случаев в средствах массовой информации, где результатом является общественный резонанс. По этой причине авторы законопроекта указывают на несовершенство ч. 1 ст. 37 УК РФ, не учитывающего места совершения общественно опасного посягательства. Предлагается на нормативном уровне закрепить принцип «мой дом – моя крепость». В перспективе, данная инициатива сможет повысить защищенность граждан в условиях изменяющейся оперативной обстановки в стране. Для развития данной мысли следует обратить внимание на опыт американского законодателя. Количество ограничений и изъятий из правила о необходимой обороне разнится в зависимости от конкретного штата; усматриваются и запреты на оказание сопротивления представителям правосудия, даже если их действия носят незаконный характер [74, с. 148]. Несмотря на это, ещё в XVII в. разработана, принята и введена в действие «Доктрина крепости» или «Castle doctrine». Автор данного документа – английский судья Эдвард Кук, –

в своей научной работе «The Institutes of the Laws of England» рассуждал о том, что дом человека – это его крепость и убежище [75, с. 162]. Пользуясь логикой «Castle doctrine», человек не обязан спасаться бегством из своего жилища, а, напротив, должен отстаивать свои права и интересы, в том числе путём нанесения смертельных ран нападающим лицам. Такое право появляется непосредственно в момент любой попытки незаконного проникновения в жилище, помещение или транспортное средство [76, с. 32].

При учёте вышеизложенного замечания и законопроекта, следует выразить, что инициатива А.В. Ананьина и Н.Е. Степаненко должна выглядеть следующим образом: «В случае наличия у обороняющегося возможности выбора способа защиты он обязан применить тот, который сохранит жизнь нападающему. Однако, если посягательство было неожиданным (например, совершено в ночное время с проникновением в жилище), когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства, то допускается применение любых мер, направленных на защиту личности его прав или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства». Данное положение следует воспринимать и трактовать в неразрывной взаимосвязи с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

В части совершенствования ненормативного регулирования института необходимой обороны выдвигаются отдельные предложения. Так, предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» «пунктом о признании правомерным причинения любого вреда посягающему при защите от посягательства, угрожающего жизни или здоровья обороняющегося или других лиц. В пункт, по мнению авторов, должен войти открытый перечень

таких посягательств, включая покушение на убийство или причинение тяжкого вреда здоровью, грабеж, разбой, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, а также иные составы преступлений, в том числе создающие опасность причинения существенного вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом» - резюмировано в соавторской научной работе А.В. Никуленко и М.А. Смирнова [28, с. 116].

Относительно высказанной инициативы укажем следующее. Каждое преступление посягает на отдельный объект уголовно-правовой защиты. Поэтому, разумно допустить, что в ходе кропотливой работы может быть произведена градация таких преступлений на те, совершение которых представляет непосредственную угрозу вышеназванным ценностям и, соответственно, где способом их перечисления будет отражение в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Однако, сомнительность рассматриваемого подхода вызывается противоречивостью уже сформировавшейся позиции Пленума Верховного Суда РФ о том, что противоправность посягательства не обязательно должна быть подтверждена в установленном законом порядке, например, вступившим в законную силу приговором суда или решением о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по не реабилитирующим обстоятельствам. При принятии данной инициативы возникнет потребность в точной квалификации действий каждого случая общественно опасного посягательства, что, о чём говорит практика, допустимо далеко не всегда. Более того, ст. 37 УК РФ не содержит дефиниции «преступное посягательство», акцентируя внимание на его противоправности. Видится, что дальнейшая детализация правового регулирования института необходимой обороны не может и не должно идти исключительно на поводу общественного мнения, хотя сам факт рассматриваемого недовольства общества свидетельствует о наличии проблем в обозначенной области отношений.

На основании вышеизложенного, констатируем следующие направления совершенствования института необходимой обороны.

Во-первых, требуется нормативная детализация соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему.

Решение вопроса о соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему находится в области судебного усмотрения.

Предлагается, что содержанием критерия соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему может послужить следующее: «В случае наличия у обороняющегося возможности выбора способа защиты, он обязан применить тот, который сохранит жизнь нападающему».

При этом, неожиданность нападения, вследствие чего обороняющийся не может объективно оценить степень и характер опасности нападения, о чём говорится в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, исключает или минимизирует возможность избрания гуманного способа защиты.

Во-вторых, требуется придание юридической силы Законопроекту от 12.05.2022 г. № 122117-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым вводится принцип «мой дом – моя крепость». Пленум Верховного Суда РФ относит вторжение в ночное время в жилище обороняющегося к категории неожиданности нападения, что вызывает лишь бурные дискуссии.

Разумеется, что человеческий инстинкт по защите себя, своего потомства и своей собственности продиктует необходимость применить такую ответную меру, при которой источник опасности будет сокрушён, однако обороняющийся при таком раскладе понесёт уголовную ответственность, если не будет поднят общественный резонанс. Число оправдательных приговоров по такой ситуации носит исключительный характер.

В-третьих, в части совершенствования ненормативного регулирования института необходимой обороны следовало бы внести на рассмотрение

Пленума Верховного Суда РФ дополнение в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19, устанавливающее виды посягательств и соразмерные им меры воздействия (например, для отражения покушения на убийство допустить летальные меры обороны).

Заключение

Проведённое исследование позволяет резюмировать следующие выводы.

Необходимая оборона подразумевает защиту личности и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Использование применительно к ст. 37 УК РФ понятия «общественно опасное посягательство» с позиции буквального толкования является удачной и в полной мере соответствует логике института необходимой обороны, поскольку тем самым охватываются не только преступные деяния, но и деяния, исходящие от лица, не могущего быть субъектом уголовно-правовых отношений (например, малолетних, душевнобольных).

Признаками института необходимой обороны выступают:

- наличие общественно опасного посягательства;
- временной промежуток, в течение которого допускается необходимая оборона;
- вред причиняется только лицу, совершающему нападение; защита должно носить соразмерный характер.

Первое упоминание института необходимой обороны встречается в Законе XII таблиц в форме кровной мести. Последующее развитие необходимой обороны упоминается в собраниях средневекового законодательства. В российском законодательстве необходимая оборона закреплялась в положениях «Русской правды». В период правления Петра I создан Артикул Воинский, основанный на нормах германского права. Артикул воинский 1715 г. заложил основы института необходимой обороны – сформулировал принцип соразмерности мер и средств обороны, выделил в

привилегированный состав убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны и пр. Уложение о наказаниях уголовных 1845 г. упростило правовое регулирование института необходимой обороны, смешав его с институтом задержания лица, совершившего преступление. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 12.12.1919 г. переняли дух дореволюционного законодательства в сфере регулирования института необходимой обороны. УК РСФСР 1922 г. и Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 25.12.1958 г. не внесли существенных нововведений или изменений в институт необходимой обороны. УК РСФСР 1960 г. подробным образом раскрыл содержание права на необходимую оборону. В УК РФ от 1996 г. сохранён подход советского законодателя по регламентации института необходимой обороны, дополненный обновлёнными позициями.

Объект необходимой обороны формирует широкий круг общественных отношений, связанных с защитой личности и прав обороняющегося или других лиц. Открытый характер объектов необходимой обороны объясняется безграничным спектром общественных отношений, нуждающихся в защите от посягательств. Объективную сторону необходимой обороны составляют: общественно-полезное и одобряемое действие обороняющегося лица; последствие в виде причинения вреда нападающему; причинно-следственная связь между оборонительными действиями и наступившими последствиями; обстановка, при которой у субъекта возникает право на необходимую оборону; отрезок времени, в рамках которого оборонительные действия носят правомерный характер.

Субъектом необходимой обороны может выступать любое физическое лицо (как подвергаемое нападению, так и защищающее интересы другого лица), находящееся на территории РФ независимо от гражданства и возраста. Субъективная сторона необходимой обороны характеризуется невиновностью и стремлением активно воспрепятствовать действиям посягающего лица.

Существует две группы условий, придающих правомерный характер необходимой обороне.

В первую группу условий входят: наличие общественно опасного посягательства; противоправный характер посягательства; действительность посягательства.

Во вторую группу вошли следующие условия: защите подлежат только интересы, подлежащие уголовно-правовой охране; «вынужденное зло»; карается превышение пределов необходимой обороны.

Превышение пределов необходимой обороны несёт объективную опасность для общества и государства, что обосновывает осуждение лица, злоупотребившего данным правом. В качестве единственного критерия отсутствия превышения пределов необходимой обороны называется соответствие оборонительных действий характеру и степени опасности посягательства. Однако, в квалифицированном большинстве случаев излишняя абстрактность дефиниций, применяемых к институту необходимой обороны, приводит к правоприменительным ошибкам.

Дефиниция «пределы необходимой обороны» изложена в оценочной форме, что предоставляет широкий простор для усмотрения правоприменителя. Признание Пленумом Верховного Суда РФ в качестве основания возникновения права на необходимую оборону причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов) крайне сомнительно, т.к. обороняющийся вряд ли сможет дать отпор, например, при ранении ножом в лёгкое, печень или сердце (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19). Оказание помощи лицу, подвергшемуся нападению при изложенных условиях, вряд ли можно отнести к институту необходимой обороны, т.к. шанс выживания потерпевшего минимален, в данной ситуации имеет место принятие мер по задержанию лица, совершившего преступление.

Следующая проблема института необходимой обороны касается его пределов. П. 2 Постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. № 19 определены признаки посягательства, угрожающего жизни, оборона от которого может быть «беспредельной». Однако нижестоящие суды нередко нарушают это предписание, «по традиции» усматривая превышение пределов необходимой обороны в случаях причинения смерти нападающему лицу, либо квалифицируют действия обороняющегося по отдельным статьям Особенной части УК РФ.

На основании проведённого исследования установлены следующие направления совершенствования института необходимой обороны:

Во-первых, требуется нормативная детализация соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему. Решение вопроса о соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему находится в области судебного усмотрения. Предлагается, что содержанием критерия соразмерности посягательства и причинённого вреда нападавшему может послужить следующее: «В случае наличия у обороняющегося возможности выбора способа защиты, он обязан применить тот, который сохранит жизнь нападающему». При этом, неожиданность нападения, вследствие чего обороняющийся не может объективно оценить степень и характер опасности нападения, о чём говорится в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, исключает или минимизирует возможность избрания гуманного способа защиты.

Во-вторых, требуется придание юридической силы Законопроекту от 12.05.2022 г. № 122117-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым вводится принцип «мой дом – моя крепость». Пленум Верховного Суда РФ относит вторжение в ночное время в жилище обороняющегося к категории неожиданности нападения, что вызывает лишь бурные дискуссии. Разумеется, что человеческий инстинкт по защите себя, своего потомства и своей собственности продиктует необходимость применить такую ответную меру, при которой источник опасности будет сокрушён, однако обороняющийся при таком раскладе

понесёт уголовную ответственность, если не будет поднят общественный резонанс. Число оправдательных приговоров по такой ситуации носит исключительный характер. В связи с чем, видится здравым дополнение ст. 37 УК РФ следующим положением: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, направленные на защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни или проживающих с ним лиц, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, либо на защиту своего имущества при незаконном проникновении посягающего лица в его жилище».

В-третьих, в части совершенствования ненормативного регулирования института необходимой обороны следовало бы внести на рассмотрение Пленума Верховного Суда РФ дополнение в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19, устанавливающее виды посягательств и соразмерные им меры воздействия (например, для отражения покушения на убийство допустить летальные меры обороны). С целью исключения конфронтации такого положения требуется пересмотр сформировавшихся позиций высшей судебной инстанции.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление СК по уголовным делам Северокавказского окружного военного суда от 14 мая 2015 г. по делу № 22-209/2015 // Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/>.
2. Ананьин А.В., Степаненко Н.Е. Актуальные вопросы необходимой обороны и крайней необходимости в условиях военной службы // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2015. № 11. С. 69-74.
3. Архив Главной военной прокуратуры. Надзорное производство по уголовному делу № 14/21/0172-06. // ИПК Гарант.
4. Акимочкин В.И. К вопросу о правомерности необходимой обороны // Российский следователь. 2017. № 8. С. 12-17.
5. Баранова Е.А. Необходимая оборона. М. : Юрлитинформ, 2007. 377 с.
6. Балмочных С.В. Необходимая оборона в системе уголовно-правового поощрения // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1. С. 198-203.
7. Васеева В.В. Необходимая оборона в историческом развитии // Общество. Культура. Преступность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. 2006. С. 45-50.
8. Гарикова М.Д. Проблемы квалификации при применении необходимой обороны: спорные вопросы и их решения // Е-SCIO. 2021. № 6 (57). С. 432-447.
9. Григорьева О.С., Шамарин С.З. Превышение пределов необходимой обороны // Криминологические и уголовно-правовые вопросы борьбы с преступностью. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2004. № 6. С. 90-95.
10. Гамаюнов Н.С., Прошляков А.Д. Уголовно-процессуальные аспекты института необходимой обороны: монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 325 с.

11. Даровских Д.А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2010. № 3. С. 6-9.

12. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 28.12.2022) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 30. 2006. Ст. 3294.

13. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

14. Законопроект от 12.05.2022 № 122117-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

15. Зимин А.А. Цели необходимой обороны: проблемы законодательной техники // Материалы Научной сессии, г. Волгоград, 19-22 апреля 2009 г. Волгоград, 2010. № 3. С. 231-235.

16. Карасёва М.Ю. Вопросы уголовной ответственности за использование рабского труда, журнал: Вестник СевКавГТИ. № 4 (31). 2017. С. 144-148.

17. Казакова О.С. Правовая регламентация необходимой обороны в уголовном праве России // Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 84-86.

18. Карпов А.А., Платонова Е.Г. Место и роль уголовно-правового института превышения пределов необходимой обороны // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2013. № 8. С. 320-323.

19. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 02 сентября 2021 г. по делу № 16-УД21-14-К4. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

20. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: авторский взгляд на нерешенные проблемы // Уголовное право. 2021. № 10. С. 39-42.

21. Клиновенко В.В. Необходимая оборона: проблемы уголовной ответственности и квалификации содеянного // E-Scio. № 12 (51). 2020. С. 295-310.

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

23. Кузько Е.С. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения // Российское правоведение: Трибуна молодого ученого: Сборник статей. Томск, 2014. № 14. С. 146-150.

24. Миронов С.И. История развития института необходимой обороны // Актуальные проблемы российского и зарубежного права. Материалы научной конференции аспирантов кафедры гражданского и трудового права РУДН. Москва, 2003. № 6. С. 340-346.

25. Матюнин О.В. Развитие института необходимой обороны в России и уголовная ответственность спортсменов-единоборцев // Гражданин и право. 2021. № 11. С. 16-18.

26. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны // Юридический центр Пресс. СПб., 2004. 214 с.

27. Неврев А.В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2003. 166 с.

28. Никуленко А.В., Смирнов М.Л. Необходимая оборона и превышение ее пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3. С. 116-121.

29. Постановление Московского областного суда от 05 сентября 2018 г. по делу № 44У-181/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. № 227. 03.10.2012.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. № 117. 01.06.2016.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. С. 2

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. № 129. 17.06.2022.

34. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 608 с.

35. Птащенко Д.С. Мнимая оборона в уголовном праве государств – участников Содружества Независимых Государств: особенности законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 260-263.

36. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. 181 с.

37. Пронькина Е.А. Необходимая оборона как один из способов защиты граждан от преступных посягательств // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Материалы Всероссийской

межведомственной научно-практической конференции (19-20 февраля 2004 г.) М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России. 2004. № 6. С. 425-431.

38. Приговор Поворинского районного суда Воронежской области от 12 сентября 2018 г. по делу № 1-51/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

39. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 22.01.2015 г. № 44-У-184, 185-2014 // СПС Консультант Плюс.

40. Постановление Челябинского областного суда от 14 января 2019 г. по делу № 10-61/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

41. Постановление Верховного Суда РФ от 11 декабря 2019 г. по делу № 181-П19. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

42. Постановление Цивильского районного суда Чувашской Республики от 12 августа 2019 г. по делу № 10-13/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

43. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 17 октября 2019 г. по делу № 1-3/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

44. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 3 июля 2020 г. по делу № 1-384/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

45. Приговор Ставропольского краевого суда Ставропольского края от 27 августа 2020 г. по делу № 1-76/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

46. Постановление Сернурского районного суда Республики Марий Эл от 30 июля 2020 г. по делу № 1-2-35/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

47. Постановление Верховного Суда Республики Алтай от 10 октября 2019 г. по делу № 22-574/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

48. Приговор Чулымского районного суда Новосибирской области от 21 декабря 2021 г. по делу № 1-192/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

49. Приговор Ярославского областного суда от 05 августа 2021 г. по делу № 2-8/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

50. Постановление Брянского областного суда от 06 ноября 2013 г. по делу № 44У-165/2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

51. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 18 сентября 2019 г. по делу № 1-18/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

52. Приговор Томского областного суда от 02 апреля 2018 г. по делу № 22-484/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

53. Побегайло Э.О. Пределах необходимой обороны // Уголовное право. 2008. № 2. С. 72-73.

54. Рамазанов И.Р. Необходимая оборона, а не превышение ее пределов // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 70-75.

55. Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. М., 1998. 96 с.

56. Разилова А.В. Мнимая оборона в уголовном праве России // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 23-26.

57. Стасюк П.И. Критерии правомерности необходимой обороны // Молодой ученый. 2022. № 7 (402). С. 105-107.

58. Степанюк О.С., Лукьянченко А.Н. Общественная опасность посягательства, как основание правомерности необходимой обороны // Успехи современного естествознания. 2011. № 8. С. 248-251.

59. Ситникова А. И. Необходимая оборона – абсолютное право // Следователь. 2008. № 11. С. 6-11.

60. Смирнов А.М. Необходимая оборона и условия её легитимности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 296-298.

61. Смирнов А.М. Необходимая оборона или необходимая защита? // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 77-81.
62. Сушков О.Э. Пределы необходимой обороны: вопросы совершенствования // Вопросы российской юстиции. № 7. 2020. С. 489-495.
63. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. № 25. 17.06.1996. Ст. 2954.
64. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
65. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 31.07.2022) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 19.11.2007. № 47. Ст. 5749.
66. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. - М. : НИЦ ИНФРА-М, 2014. 650 с.
67. Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2955.
68. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. № 51. 16.12.1996. Ст. 5681.
69. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. № 7. 14.02.2011. Ст. 900.
70. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4848.

71. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 01.06.1998. № 22. Ст. 2331.

72. Холл Э. Счастье по Аристотелю. Как античная философия может изменить вашу жизнь; пер. с англ. [Натальи Колпаковой] - М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 298 с.

73. Шахов С.А. Актуальные вопросы ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны // Труды юридического факультета. Т. IV. Работы студентов и молодых ученых по актуальным проблемам конституционного и гражданского права. СПб., 2014. С. 208-211.

74. Brody D.C., Acker J.R. Criminal Law. Burlington, 2016. 234 p.

75. Coke E. The Third Part of the Institutes of the Laws of England. L., 1644. 287 p.

76. Pacific Daily News. Gov. Calvo Signs Castle Doctrine Into Law. February 10, 2014. 76 p.